

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-13+811.163.2'27'28

Балашевич Диана Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
dianad13@yandex.ru

Дискурсивный анализ интервью о свадебном обряде помаков Болгарии

Для цитирования: Балашевич Д. Д. Дискурсивный анализ интервью о свадебном обряде помаков Болгарии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (4): 538–556. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.401>

В статье методами дискурсивного и функционально-коммуникативного анализа раскрывается, какие роли исполняют диалектный информант и интервьюирующийся лингвист в нарративе, формируемом континуумом «вопрос — ответ». Материалом статьи послужила расшифрованная запись интервью о свадебном обряде середины XX в. с информанткой 1932 г. р., относящей себя к помакам (болгарам-мусульманам) и являющейся носителем смолянского говора болгарского родопского диалекта. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом современных гуманитарных наук к языковым, этнографическим и социальным особенностям культурно-религиозных меньшинств, необходимостью разработки максимально эффективных методов полевой лингвистической работы (на диалектном материале, быстро исчезающем в силу действия социальных причин), а также новизной оригинального материала. В статье рассмотрены случаи раскрытия информации при отсутствии задаваемых вопросов, а также при помощи вопроса «Как называется $y + z$?», вопроса «Есть ли у вас лексема x ?», вопроса-уточнения и вопроса-переспроса, из которых наибольшей частотностью отличается вопрос «Как называется $y + z$?». Помимо этого, рассмотрены случаи, когда информант категорически отрицает предложенную в вопросе информацию, ссылаясь на отсутствие воспоминаний, дает развернутый или односложный ответ. Наибольшей эффективностью характеризуются вопросы «Есть ли у вас $y + z$?» и вопросы-переспросы как вызывающие наибольшее количество положительных ответов. Вследствие

* Работа начата при поддержке гранта РФФИ № 14-18-01405 «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте» и завершена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00244 «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диатопии, диахронии и диастратии».

диалектного характера нарратива количество вопросов «Есть ли у вас лексема х?», направленных на конкретизацию значения заданной интервьюирующим (и не упомянутой информантом) лексемы, оказывается минимальным, поскольку информант самостоятельно упоминал интересующую лексему без наводящего вопроса. При этом следование вопросов в диалоге подразумевает раскрытие информантом наибольшего количества валентностей каждой семы / каждого семантического поля при минимальной подсказке со стороны интервьюирующего. Таким образом, определены наиболее эффективные методы интервьюирования при проведении полевых исследований.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, методика интервьюирования, языковой код свадебного обряда, болгарский родопский диалект, помаки.

Введение

Помаки — самоназвание болгароязычных мусульман, в том числе в районе г. Смолян в Южной Болгарии. Проживание в тесном соседстве с православным болгароязычным и грекоязычным, а также с турецкоязычным мусульманским населением привело к формированию уникальных культурных особенностей, во многом идентичных особенностям культуры православных болгар, но с наличием существенных системных инокультурных заимствований (см.: [Попов, Гребенарова (ред.) 1994 и др.]). При этом исследователи отмечают особенную архаичность языкового и культурного кодов помаков [Каневска-Николова 2014; Антонова-Василева 2014; Терзиева, Узенёва 2014 и др.], обусловленную продолжительной территориальной и культурной изоляцией данного сообщества [Райчевски 2004; Μαλκίδης, Κόκκας (συνς.) 2006 и др.]. Экономическое и социальное ослабление этой изоляции началось не ранее XX в. [Стаменова 1995; Маркова 1997 и др.].

Особый интерес представляет языковой код свадебного обряда помаков как один из наиболее сохранных и, соответственно, репрезентативных в плане выражения как речевого, так и денотативного инвентаря. Актуальность статьи обусловлена большим интересом научного сообщества к языковому коду свадебного обряда, подтверждаемым растущим количеством проведенных в последние годы исследований, в том числе основывающихся на полевых материалах. На примере языкового кода свадебного обряда изучают особенности языкового континуума Балканского полуострова [Соболев (ред.) 2005; Гирфанова 2015], диалектного ландшафта Болгарии [Легурска и др. 2012], группы говоров отдельно взятого ареала, в том числе с учетом конфессионального фактора [Меракова 1995], и конкретного локального говора [Шаранска 1996]. Результаты исследований могут иметь вид как диалектного словаря с обязательной семантической систематизацией лексем, относящихся к лексико-семантической группе свадебного обряда [Соболев 2001; Легурска и др. 2012], или включением маркированной свадебной лексики наряду с прочей диалектной лексикой [Стойчев 1965; Θεοχαρίδης 1995], так и связного научного этнолингвистического текста, представляющего культурный континуум одного обряда [Апостолов 1905; Попов, Гребенарова (ред.) 1994; Шаранска 1996; Димитрова 2016] или конкретного обрядового элемента [Шишков 1906]. При этом также наличествуют сборники фольклора, содержащие обрядовые элементы (напр.: [Шишков, Дечов (ред.) 1906; Ушев 2012]). На этом фоне очевидно, что количество исследований, основанных на дискурсивном анализе отдельно взятого диалектного

нарратива и системно рассматривающих методику ведения интервью с носителем болгарского диалекта¹, недостаточно.

Проблемой, интересующей нас в рамках исследуемой в статье темы, является, с одной стороны, неясность роли вопроса интервьюирующего в формировании нарратива, а с другой стороны, неясность роли ответов информанта как стимула дальнейшего развития нарратива.

Цель нашего исследования заключается в определении роли вопроса в формировании нарратива на основе взаимосвязанности языковой тактики информанта и интервьюирующего в рамках беседы о свадебном обряде. Для достижения цели мы рассмотрим:

- 1) распределение описания элементов свадебного обряда в нарративе в соответствии с наличием/отсутствием вопроса к информанту;
- 2) закономерности в использовании вопросов разных типов в зависимости от хода изложения материала рассказчиком.

Данная статья основывается на выборочном наиболее показательном речевом обрядово маркированном инвентаре, а именно на примерах наиболее характерного раскрытия языкового кода в качестве ответа на вопрос определенного типа. Классификация рассматриваемого материала осуществлялась посредством определения степени известности/неизвестности запрашиваемого материала информанту и того, насколько описание запрашиваемого материала ему приятно. Эксплицитно это выражается в желании/нежелании или способности/неспособности² информанта пространно раскрывать запрашиваемое семантическое поле. Также нашей задачей является систематизация и анализ вариантов логических переходов в ответе информанта.

Под нарративом мы подразумеваем не столько повествование с соблюдением временной последовательности [Labov, Waletzki 1997: 4], сколько т. н. живые истории (live stories), а именно повествование с последовательностью элементов, логичной с позиции рассказчика [Schaie, Willis 2002: 263]. Мы наделяем рассказчика функцией управления ходом нарратива во взаимодействии с интервьюирующим. Мы полагаем изложение информации нарративом до тех пор, пока вопросы интервьюирующего не начинают преобладать в беседе и абсолютно задавать ход изложения информации, а рассказчик теряет управление развитием беседы, поскольку дает односложные ответы, не подразумевающие логических переходов в иные семантические поля. Данное понятие в нашей работе не противоречит понятию

¹ О понятии диалекта в сравнительно-историческом языкознании см.: [Sobolev 2014]. О болгарских территориальных диалектах см.: [Стойков 1993].

² Желание/нежелание информанта раскрывать семантическое поле демонстрируется лексическими коннотациями, пространным раскрытием семантического поля или самостоятельной сменой информантом семантического поля («уходом» к более интересной информанту теме); способность/неспособность — лексическими коннотациями и пространным описанием. Желание/нежелание и способность/неспособность не имеют четкого разделения, за исключением случаев однозначного изъяснения информанта (напр., «не хочу об этом говорить»). Соответственно, степень наиболее приятного и хорошо известного / наименее приятного и неизвестного определяется:

- 1) пространностью раскрытия семантического поля;
- 2) наличием/отсутствием самостоятельной смены семантического поля информантом;
- 3) категоричностью субъективной лексически выраженной коннотации, данной информантом.

диалога, которое подразумевает вовлечение в беседу двух индивидов, обменивающихся логически взаимосвязанными репликами.

Материалом исследования послужила запись, осуществленная во время полевого исследования в июле 2017 г., а именно нарратив информантки Асье Чекетовой-Пелтековой из г. Смолян³ (1932 г. р.), жительницы Чокского квартала (Чокьска махала; сейчас Каптажа), продолжительностью 1 ч. 47 мин. (см. отрывки в приложении). Беседа происходила в спокойной обстановке на крыльце собственного дома информантки в ее свободное время и при ее полном расположении к беседе. В беседе принимали участие только интервьюирующий и информантка (при единичном смысловом вмешательстве с подсказкой от представителя младшего поколения, а также при единичном вмешательстве младшей родственницы по бытовым вопросам, не имеющим отношения к диалогу). С информанткой мы познакомились самостоятельно (без представления со стороны третьих лиц) непосредственно перед взятием интервью и исключительно для этой цели (т. е. осведомленность информантки о наших личных и социальных качествах была минимальной, что, тем не менее, не мешало ее благожелательному отношению к нам). При сборе материала мы исходили из уникальности кода свадебного обряда отдельно взятого населенного пункта, равно как и отдельно взятого случая проведения этого обряда. Соответственно, в диалоге мы подвергали сомнению любые наши предположения (на основе предыдущих взятых интервью по данной теме) и демонстрировали нашу неосведомленность о коде свадебного обряда данного региона, так как это способствовало наиболее полному раскрытию информации рассказчицей. Вопросы к рассказчице формировались на основе как предварительно составленной анкеты-вопросника⁴ (наиболее широко охватывающей и конкретизирующей семантические поля свадебного обряда), так и, в зависимости от выявления новых сем / семантических полей, в ходе нарратива. Общение с информанткой происходило на «вы».

Основными критериями сбора материала в поле были владение информанткой диалектной речью и максимально полное отражение свадебного кода в воспоминаниях, поэтому мы предпочитали людей преклонного возраста, разговорчивых и располагающих временем для бесед. Информантка Асье Чекетова-Пелтекова продемонстрировала глубокую заинтересованность в теме и готовность делиться информацией, а также говорить на диалекте (стараясь подбирать аутентичные лексемы, напр.: *момаре* 'сваты', *питарки* 'сумки для обрядового хлеба').

При работе с собранным материалом мы прибегали к дескриптивному [Попов, Гребенарова (ред.) 1994; Маркова 1997 и др.], компаративному [Соболев (ред.) 2005 и др.], дискурсивному [Fairclough 1992; Jaworski, Coupland (eds.) 1999; Ван Дейк

³ Население областного центра г. Смолян (исторического Пашмакли [Караманджуков (ред.) 1925]) составляло на 31 декабря 2018 г. 27 505 человек [НСИ] в основном мусульманского вероисповедания [Меракова 1995: 6]. По переписи 31 декабря 1934 г. население околии Смолян составляло 34 141 человек [Загоров (ред.) 1939], из которых 18 000 — болгары-мусульмане [Райчевски 2004]. Смолян образован путем слияния г. Смолян, г. Устово, с. Райково и с. Езерово в 1960 г. [ОС; Маринов 1955], причем информантка происходит из первоначального г. Смолян.

⁴ Анкета содержала 257 вопросов, освещающих имеющиеся и потенциально возможные элементы свадебного кода в данном идиоме. Вопросы формулировались «от значения к слову» и «от слова к значению», при этом провоцировали детальное раскрытие целого семантического поля. Тем не менее не все вопросы были озвучены, так как часто рассказчица самостоятельно раскрывала информацию, а также время проведения беседы было ограниченным.

2013 и др.] и этнолингвистическому [Толстой 1997; Соболев 2001; Терзиева, Узенёва 2014 и др.] анализу. При проведении полевой работы мы ориентировались на получение от информантки связного текста, порождаемого в ходе описания хронологически последовательного ряда событий свадебного обряда с учетом разной приоритетности отдельных свадебных элементов в мировосприятии нашего собеседника. Для этого вначале информантке предоставлялась свобода изложения хода свадебного обряда (с указанием знакомства парня и девушки в качестве начальной точки), а затем при помощи вопросов уточнялись отдельные сегменты свадебного обряда, в том числе с целью расширения информации (в основном в хронологическом порядке⁵). В ходе общения с информанткой мы прибегали к предварительно составленному вопроснику (упоминавшемуся выше), структурированному по типу отражения ключевых элементов персонажного, предметного и акционального кодов свадебного обряда, а также текстов с эстетической функцией (фольклорных). Основной классификационный параметр самих вопросов в анкете — это способ получения информации: переход от значения к слову (этот тип превалировал) или от слова к значению (в случае потенциальной многозначности лексемы или уточнения).

Об особенностях свадебного обряда в г. Смолен и дистрибуции его речевого материала по типам языковых кодов мы писали ранее [Балашевич 2018].

В данной статье при классификации вопросов, задававшихся информантке, мы прибегаем к функционально-коммуникативному методу [Всеволодова 2016], т. е. определяем наибольшую эффективность соответствия интенций разных типов вопросов речевым смыслам предоставляемых информанткой ответов. В качестве ответов информантки мы рассматриваем семы (ср.: [Толстой 1997]) (вербально выражаемые как единичной маркированной лексемой, так и пространным текстом⁶), языковое выражение которых проявляет свой функционально-речевой диапазон в контексте. Мы полагаем, что функцию и направленность всего текста не в меньшей степени, чем экстралингвистические факторы (адресат, ситуация, отношения между партнерами по коммуникации и др.) [Филиппов 2003: 143], определяют отдельные сегменты текста и их сочетание в контексте; в нашем случае это ответ информантки на вопрос и взаимосвязь данного ответа и последующего вопроса⁷. В нашей работе рассматриваются собственно вопросы, т. е. вопросы, требующие ответа. При этом наше членение речевого диалогического континуума на изолированные сегменты «вопрос — ответ» условно, поскольку мы не рассматриваем степень когнитивного влияния диалогического материала, предвосхищающего вопрос. Таким образом, высказывания рассматриваются в отрыве от психологических факторов, не нашедших отражения в речи.

Достаточное количество исследований затрагивает высказывания, выраженные вопросами, с позиции как их структурной [Стрельцов 2010], так и функциональной составляющей [Чахоян 1980; Аведова 2014]. Тем не менее, освещая функ-

⁵ А также с распространением в зависимости от семантических валентностей.

⁶ Это не позволяет прибегнуть к структурному делению статьи на лексическую и экстралингвистическую части.

⁷ Вслед за М. В. Всеволодовой [Всеволодова 2016: 485] мы полагаем, что формирование метафизического смысла обусловлено соотношением частей информации между собой, причинно-следственными и логическими связями и очередностью подачи компонентов информации.

ционально-коммуникативную сторону вопросов, мы не ограничиваемся дискурсом «вопрос — ответ», а рассматриваем его в качестве семантической единицы в более широком контексте как данного целого интервью (завершенного объема этнолингвистического контекста), так и исчерпывающего «идеального» свадебного кода как такового, т. е. в отрыве от данного нарратива (незавершенного объема этнолингвистического контекста). Это находит выражение в дистрибуции лексико-семантического материала на «сетке» культурного свадебного кода.

Языковым показателем отношения информантки к рассказываемому, а соответственно, и направления нарратива информанткой, является ее способность (иногда желание) предоставить связный текст по собственной инициативе или в качестве ответа на наводящий вопрос. В данной работе мы рассмотрели несколько вариантов развития нарратива (на основе нашей классификации):

- 1) раскрытие информации рассказчицей без наводящего вопроса;
- 2) раскрытие информации рассказчицей при наличии наводящего вопроса;
 - категорическое отрицание предложенной/запрошенной в вопросе информации;
 - отсутствие воспоминаний по предложенной/запрошенной в вопросе информации;
 - положительное предоставление информации, предложенной/запрошенной в вопросе:
 - предоставление развернутого ответа;
 - предоставление односложного ответа.

Вопросы⁸, в свою очередь, могут быть (см.: [Борисова 2015: 63–69]):

- 1) собственно-нейтральными и специально-нейтральными, т. е. запрашивающими новую информацию, и, соответственно, относиться к мнению информантки по данной ситуации или к конкретному элементу ситуации. Такой вопрос может подразумевать:
 - уточнение (что характеризуется наименьшей степенью «подсказки» информантке), запрашивающее конкретизацию уже предоставленной информации;
 - прямой вопрос «Есть ли у вас явление $y + z^9$?» / «Как называется $y + z$?» (что подразумевает в большей степени вмешательство в естественный ход нарратива), запрашивающий новую информацию в рамках эксплицитно¹⁰ выраженного нарратива;
 - вопрос «Есть ли у вас лексема x ?» (ответ на который уже не может однозначно указывать на наличие запрашиваемой словоформы в идиоме или ее функционирование именно в этом варианте, поскольку мог быть дан под влиянием предложенной лексемы), запрашивающий новую информацию;

⁸ При формулировке вопросов мы следовали рекомендациям, данным Н. Б. Вахтиным и Е. В. Головки [Вахтин, Головки 2007: 58].

⁹ В ответе ожидается лексема x .

¹⁰ Допустима уже (частично) совершенная передача запрашиваемой информации имплицитными средствами, а именно наличием/отсутствием заполненных валентностей запрашиваемой семы, эксплицитно упомянутых в предшествующей части нарратива.

- 2) собственно-презумптивными, т.е. ставящими целью проверку уже имеющейся информации, и подразумевать переспрос, который содержит уже данную рассказчицей информацию, подвергаемую интервьюируемым сомнению.

В исследуемом интервью мы прибегли ко всем вышеперечисленным типам вопросов¹¹.

1. Отсутствие наводящего вопроса

Раскрытие ряда семантических полей не нуждалось в наводящих вопросах, поскольку информантка самостоятельно на них «выходила». К таковым относятся повествования о сватовстве (приход сватов, договоренность относительно свадьбы), о передаче приданого, о выведении невесты из дома, сопровождении ее во время переезда и ее принятии в доме жениха, об установлении преград по дороге к дому жениха, о ритуальных действиях, совершаемых свадебными чинами по прибытию невесты в дом жениха, о подарках (в основном переданных ей стороной жениха), об ужине в доме жениха, о торжествах (*з'бсте*), проводимых в доме жениха и родителей невесты после бракосочетания, и ритуальных хлебах на этих мероприятиях. Наряду с описанием целых обрядовых комплексов информантка уделяет большое внимание отдельным элементам¹², напр. наличию денег в обуви невесты, которые дети должны достать, сняв с нее эту обувь; расстиланию белой ткани перед ногами невесты при введении ее в дом жениха и разливанию невестой воды тогда же; напр.:

И га вòд'ат, пап'уте негá да надéв'ат, клаваха парí в пап'утине. И и га га íд'е кьдéду íд'е па трéбу да да д° м мál'ки мумí... децá да да паср'бинат и да ги свал'от пап'утине парíне да зéмат децáна. <...> даже те гл'бдали да е мумчé, тьгá га бм радí пòрву дь радí мумчé¹³. — «И когда ведут [невесту], обувь когда надевают, клали деньги в обувь. И когда она идет, где идет, надо, чтобы маленькие дево[чки]... дети встретились им и сняли обувь, и дети бы взяли деньги <...> даже старались, чтобы это был мальчик, тогда [невеста] первым родит мальчика».

Таким образом, вышеперечисленные эпизоды свадебного обряда можно охарактеризовать как наиболее релевантные для информантки.

2. Наличие наводящего вопроса

Необходимость использования вопросов возникала при очевидном неупоминании информанткой потенциально релевантного для обряда (и релевантного

¹¹ Здесь мы не рассматриваем общие вопросы типа «Как приходили вас сватать?» или «И что было дальше?». Также в статье разобраны не все вопросы с ответами, заданные в ходе интервьюирования.

¹² То есть информантка описывает более пространно, раскрывает целое семантическое поле с указанием персонажей, действий, предметов и пр., с изложением последовательных действий или причинно-следственной связи, с большим количеством деталей, повторяет некоторые элементы, смеется, шутит.

¹³ Поскольку мы записывали текст в виде фонологической транскрипции с элементами фонетической, то посчитали необходимым отобразить все фонетические особенности речевого потока, включая несмыслоразличительные фонемы, как в примере *тьгá га бм радí пòрву дь радí мумчé*, которые, соответственно, не находят отражения в переводе.

для нашего исследования) языкового культурно маркированного элемента. Таким образом, вопрос до некоторой степени направлял смысловой ход нарратива. На большую часть таких вопросов информантка отвечала отрицательно. Отрицание выражалось: 1) категоричным опровержением потенциального наличия запрашиваемой семы в ее мировосприятии или 2) фразой, что она такого не помнит.

2.1. Категорическое отрицание

Категорическое отрицание было выражено при ответе на вопросы о наличии подарков при сватовстве; исполнении песен при выведении невесты из родительского дома; покрытии лица невесты тканью / иным способом в какой-либо момент свадебного обряда; наличии свадебного знамени/деревца; наличии земельного надела в качестве приданого невесты.

2.2. Отсутствие воспоминаний

У информантки (с ее слов) отсутствовали воспоминания по следующим вопросам: о ритуальном бритье жениха перед свадьбой; о ритуальном «включении» невесты в домашнюю работу после свадьбы; о ношении женихом подарков от невесты на свадьбе / в другой момент комплекса свадебных обрядов¹⁴.

Эти и вышеперечисленные вопросы не содержали лексему, наличие которой в говоре информантки интересовало исследователя. При формировании следующих вопросов интересующие нас лексемы были нами употреблены¹⁵: о значении слова *дубак* 'смотр невесты и приданого соседями на следующий день после ее переезда' (информантка лексему слышала, но ее значения не помнит); о значении слов *сгодена*, *главена* 'помолвленная, обрученная' (этих лексем она не знает, но дает комментарий: *дадена*, *вѣнч'ѣта* и *край* — «отданная, обвенчанная и всё»). Лексема *вѣнч'ѣта*¹⁶ также была приведена в качестве ответа на вопрос о наименовании невесты в день свадьбы; при этом информантка отрицала использование запрашиваемых лексем *булка*, *невѣста* в этом значении (не помнит), что, тем не менее, позже в контексте ее связной речи опровергается примерами: *булканъ га иде, седѣ едѣн ден' прѣва фѣф киш'она* — «невеста, когда приходит, стоит один день в углу»; *плѣтно ткѣто за дол'ни дрѣхи, бел'ѣ: да има едѣн кѣт ѣга ид'е нивѣстана тр'ѣва сп'ециѣлно да го дад'ѣ нѣ мумч'ѣно* — «ткань для нижнего белья, белье должно быть, потому что, когда невеста приходит, она специально должна это отдать юноше [жениху]».

¹⁴ Важно отметить, что в том же нарративе была дана следующая информация: *Га стѣнеш булка, трѣба да му дадѣш да обличѣ какубно си данѣла: дол'ни др'ѣхе, кѣси гѣште и рѣза с ширѣки рѣкави, а че тѣй рѣзѣтъ нѣта надѣна.* — «Когда ты становишься невестой, ты должна ему дать надеть то, что ты принесла: нижнее белье, трусы и рубашу с широкими рукавами, но он [жених информантки] рубашу не надел [поскольку работал в совете и был «современным»]» (информантка сообщает об этом со смехом).

¹⁵ Метод интервьюирования «от слова к значению».

¹⁶ Расширение значения данной лексемы может быть объяснено как усиленной ролью религиозного обряда во всем комплексе свадебных обрядов, так и тем фактом, что данную информантку сочетали религиозным браком почти сразу после сватовства/помолвки и значительно раньше ее переезда в дом жениха и торжеств (*з'ѣсте*), и это могло послужить показателем того, что она не свободна.

Вопрос, на который был дан ответ «не помню», мог также навести информантку на воспоминания о другом, смежном (ассоциативно) свадебном элементе, обозначив, таким образом, или последовательную связь, или связь посредством персонажа/действия/предмета, или объединение общим для обоих элементов ключевым признаком, как в примере ниже — по признаку украшения невесты. Так, на вопрос о наличии ритуалов в доме невесты, связанных с хной, информантка дала ответ (в ее время невесты красили руки хной, но она не помнит, чтобы ее красили), однако сразу же переключилась на присутствовавший в ее случае элемент: заплетание невесте праздничной прически в виде большого количества косичек (... *ама спл'этаха на ситно, на многу плитки <...> ч'етирице и една колку плит'ки ми нъправи л'ел'ето.* — «...но заплетали мелко, большое количество косичек <...> сокрок одну косичку мне сделала тетя») ¹⁷.

Важно отметить, что ответу «не помню», данному информанткой, всегда предшествовало размышление, что уменьшает возможность рассматривать его как отказ от сообщения информации исследователю. Тем не менее ряд вопросов вызвал скорее негативную реакцию, а именно нежелание рассказчицы говорить на заданную тему. Это касалось вопросов о субъективно неприятном для информантки ¹⁸ элементе свадебного обряда, напр. о насильственной краже невесты (... *йа ни гал'ем ни да слушам ни да се фкл'учвам. Лбши работи, пубубво дъ ги нъ знам. <...> много нар'етку.* — «...я не люблю ни слушать, ни участвовать. Это плохо, лучше не знать. [Это случалось] очень редко»); сожжении приданого отцом невесты в случае ее побега с возлюбленным; девственности невесты (*Слушах от хората: д'ена нечесна мома — нешто не беше фр'от, ам <...>. Н'иемало е н'ега н'екви нечесни де да знам.* — «Я слышала от людей: если девушка не девственна, что-то было не в порядке, но <...>. Тогда не было никаких недевственных, откуда мне знать»). В таких случаях информантка ссылалась на то, что такими темами не интересуется и в ее семье не было принято говорить об этом.

2.3. Положительный ответ

2.3.1. Развернутый ответ

Тем не менее на большую часть вопросов был дан точный и до некоторой степени развернутый ответ. К таковым относятся, напр., описание заключения официальной регистрации брака и описание одежды невесты в момент ее переезда в дом жениха:

...как'оно б'аха данели, гизд'ило <...> к'орпа, нап'рим'ер, ат мамч'ено. Те тр'о'на хар'есаи к'орпа, та клад'еш нейа нъ глав'она ен'ега в мом'ентън <...>. Беше ч'ерв'ено,

¹⁷ К такому типу «вспоминания» можно отнести и случай с описанием прихода невесты в дом жениха, когда информантка от описания прохода невесты по белому полотну незамедлительно переходит к описанию разливания невестой воды, перебивая вопрос интервьюирующего, что указывает на не только хронологическую, но и крепкую семантическую связь этих двух элементов в представлении рассказчицы.

¹⁸ В подавляющем большинстве записанных нами нарративов в исследуемом регионе (р-н Смоляна) по теме свадебного обряда такие интимные вопросы, как о девственности невесты, краже невесты, конфликта невесты с родителями после бегства, заданные инокультурным интервьюером, вызывали смущение информантов и раскрытие темы с явным нежеланием.

кит'ки си имешѣ и китил'ки им'еха странїна. — «...что принесли [родственники жениха]: украшения <...> платок, напр., от юноши. Тебе платок должен понравиться, и ты сразу им покрываешь голову <...>. Он был красный, с цветами и по краю прикрепленные украшения» —

где информантка особенно подчеркивает роль головного платка¹⁹, который, несмотря на выполнение ритуальной функции, не был исключительно свадебным (*обикновѣна к'брна <...> пухубава <...> копринѣна к'брна* — «обычный платок <...> получше <...> шелковый платок»). Также на вопрос о характерных блюдах на свадьбу был дан ответ в виде единичного наименования реалии и его пояснения (*Кишк'ѣк' — чѣниѣа със мѣсо сг'отвѣна <...> свар'ѣна със много м'дсо.* — «Кишечек — пшеница, приготовленная с мясом <...> сварена с большим количеством мяса»); при этом информантка не назвала обрядовые хлеба (отдельно упоминаемые в нарративе в связи с другими вопросами), которые играют б'ольшую роль в социальном взаимодействии свадебных чинов (взаимодействие сторон молодоженов или сторон хозяев и гостей). Этот факт может указывать на обособленное положение хлебов в комплексе свадебных обрядов. Также даны была точная лексема и пояснение на вопрос о девушке, сбежавшей с женихом против воли родителей (*мом'ата изб'ѣгал'ѣ със <...> момч'е* — «девушка, сбежавшая с <...> юношей»).

Исключительный интерес представляют ответы с описанием ритуалов, не имевших места непосредственно на свадьбе информантки, но о которых она в состоянии рассказать. К таковым относятся: прятание невесты с целью ее дальнейшего шуточного выкупа; выкуп приданого; обряд держания ребенка на руках невестой по приезде в дом жениха; шуточный обряд по определению главенствующего в доме из молодоженов (кто кому первый успеет наступить на ногу); встреча гостей невестой в ближайшие дни после свадьбы.

2.3.2. Односложный ответ

Ряд вопросов подразумевал односложный ответ (такие вопросы в своем большинстве были заданы в конце беседы для прояснения оставшихся неясными моментов). Эти вопросы касались в основном персонажного или предметного кода²⁰: наименование свекра (*св'ѣкър'ѣт, д'ѣдоу, б'обу*), свекрови (*св'ѣк'ѣр'ѣана, б'абат'ѣ, а'наї'ѣка*), тестя (*д'ѣдо*), тещи (*а'наї'ѣка*) и др. При этом в некоторых случаях использование информанткой лексем сопровождалось пояснением, особенно если лексема была предложена в вопросе, напр. о девере: *Наѣм'ѣ ч'ѣ д'ѣв'ѣр' — на м'ѣж'он б'рат а'ма н'ѣ п'олзвамѣ го ѣйна'а д'ума мно'гу.* — «Мы знаем, что *деверь* — брат мужа, но не используем это слово часто»; при этом следует пояснение, что в исследуемом ареале используется лексема *ми'ж'у*, а в случае если брат мужа младший, он обозначался словами не *ми'ж'у* и *д'ѣв'ѣр'*, а *б'рат'ѣ на м'ѣж'он* 'брат мужа', *ш'а'ф'ѣр*. Соответственно, информантка самостоятельно описывала дистрибуцию словоформ с учетом их семантики, что указывает на актуальность обеих сем ('старший' / 'младший брат

¹⁹ В данном случае наличие платка не сопряжено с изменением социального статуса девушки, поскольку информантка носила платок и до свадьбы.

²⁰ Мы проводим деление на языковые коды в соответствии с работами представителей московской этнолингвистической школы [Толстой, Толстая 1995; Плотникова 2000 и др.].

мужа') с преимуществом важности семьи 'старший брат мужа' (употребленной первой, до уточняющего возраст вопроса).

В нескольких случаях вопрос вызывал затруднение у информантки. Так, в случае с уточнением наименования сватов ответ был ей подсказан представителем младшего поколения (информантка с ним согласилась) — *мумаре*. Также обозначение вопроса о мусульманском бракосочетании через формулировку «религиозный обряд» оказалось неясным информантке, но конкретизация через уточнение действий имама на свадьбе прояснила ей ситуацию: *Трѣба да се венчѣе булкана предѣ дѣ идѣ на момч'ѣну*. — «Невеста должна пройти религиозный обряд бракосочетания²¹, прежде чем она переедет к жениху».

Во время интервью мы несколько раз прибегали к «переспросу», когда информантка уже употребляла интересующую нас лексему, но ее семантика оказалась для нас недостаточно ясной в контексте продолжающегося нарратива. Особый интерес вызвала дистрибуция лексем *снаха́* и *нѣвѣста*: первая лексема использовалась как при обращении к невестке, так и в речи о ней, в то время как лексема *нѣвѣста* применялась исключительно при разговоре о невестке в 3-м лице; информантка на вопрос о лексеме, обозначающей невестку, предложила вариант *снаха́*, и только при переспросе о значении уже упоминаемого ею слова *нѣвѣста* было дано пояснение о их семантических различиях. Также к вопросу-переспросу мы прибегли при разъяснении наименования подарков, даримых свекру и свекрови невестой / стороной невесты. Этот вопрос позволил выяснить, что такие подарки называются *дха:р*, а лексема *нишѣн* означает только подарки невесте.

Наш материал показал, что в случае отсутствия ожидаемой лексики информантка могла прибегнуть к расширению семантического поля другой лексики. Ярким примером является вопрос о наименовании ритуального барана, чаще всего даримого стороной жениха стороне невесты перед свадьбой и приготавливаемого к одному из свадебных мероприятий (*гѣдеш* [Попов, Гребенарова (ред.) 1994: 183]): *корбулѣк*, т. е. *ов'ѣн за д'ѣсте* — «баран для гостей», при этом данная лексема означает барана не только свадебного, но и закалываемого на байрам. Соответственно, используемая лексема отчетливо указывает на его функцию: *да гѣ зѣкѣлѣт и сѣтвѣт за йѣдѣнѣ* — «чтобы его закололи и приготовили к столу».

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что наличие и отсутствие наводящего вопроса способствовало определению, насколько приоритетными оказались определенные элементы свадебного обряда в мировосприятии информантки. Ответы информантки в случае использования вопроса часто несут субъективную коннотацию, когда она категорически отрицает наличие запрашиваемого явления, сомневается в его наличии или однозначно уверена в его наличии. При этом очерчиваются границы как «неприятных» для информантки элементов (напр., сожжение приданого невесты в случае ее бегства против воли родителей), так и особенно

²¹ В исследуемой идиоме лексема *никѣх* обозначает не религиозное бракосочетание, а развод: *...штѣм ѣ казват «ат м'ѣнѣ ѣ никѣх» — ад м'ѣна развѣдѣна*. — «...если ей говорят «от меня никех», значит — развожусь с тобой».

«интересных»²² (напр., платок, подаренный невесте женихом). Формирование ответа рассказчиком может указывать на «выравнивание» обрядовых элементов по какому-либо признаку (напр., украшение невесты перед свадьбой). Пояснения, даваемые информанткой, вычлениют свадебные элементы (в том числе в виде языкового кода), по мнению информантки, потенциально неясные стороннему человеку (напр., *корбул'бк*). Помимо основных целей, каждый тип вопроса (без использования лексемы / с использованием лексемы / вопрос-переспрос) провоцировал раскрытие семантических различий между лексемами (напр., *снаха́* и *н'ев'эста́*), раскрытие ассоциативной привязки запрашиваемого обрядового элемента с лексическим выражением семы — части данного обряда (напр., в случае с религиозным бракосочетанием). Также знаковое отсутствие упоминания ожидаемого элемента в ответе информантки наглядно указывает на дистрибуцию свадебных элементов в системе целостного свадебного обряда (напр., *кишк'э́к* и обрядовые хлебы).

В отношении дистрибуции типов вопросов очевидно превалирование специально-нейтральных вопросов (напр.: «Как называется невеста в день свадьбы?») над собственно-нейтральными (напр.: «Как проходила официальная регистрация брака?») и собственно-презумптивными (напр., о дистрибуции лексем *снаха́* и *н'ев'эста́*), что объясняется преобладанием ситуаций неосведомленности интервьюирующего и поступательным номинированием сем информанткой, в то время как собственно-нейтральные вопросы служили для перехода к новому семантическому полю, а собственно-презумптивные вопросы — для конкретизации дистрибуции лексем и сем. Такое распределение типов вопросов очерчивает номинативную функцию текста как основополагающую в данной ситуации.

В отношении хода изложения материала информанткой можно заключить, что повествование имело поступательный характер с развернутыми детальными ответами, что уменьшило объем конкретизирующих вопросов: из 257 вопросов анкеты-вопросника было задано 199. Наибольшая частотность в интервью принадлежит прямому вопросу «Есть ли у вас $y + z$?» (75 раз), затем уточнению (55 раз), вопросу-переспросу (38 раз) и вопросу типа «Есть ли у вас лексема x ?» (26 раз), см. таблицу. (Из 199 заданных вопросов 5 (2,5 %) оказались непонятыми информанткой и в подсчет не вошли.) Данная статистика также указывает на диалектную представительность нарратива информантки, поскольку надобность в уточнении наличия предполагаемых диалектизмов, релевантных для свадебного кода, была минимальной (см. объем вопросов типа «Есть ли у вас лексема x ?»).

Во второй половине беседы, которая в силу исчерпанности информанткой воспоминаний по теме приобрела более диалогический характер, наличествуют вопросы к явлению/ситуации и отдельно взятой лексеме в отрыве от контекста (на эксплицитном²³ уровне), напр. вопрос об одежде невесты → вопрос о преграждении пути свадебному поезду → вопрос о встрече невесты свекровью (объединяющий элемент — мотив перехода) или рассказ информантки об обряде с деньгами

²² «Неприятность» темы (элемента) для информантки мы определяем ее коннотацией, выраженной вербально. В то же время «интересность» темы (элемента) для информантки мы определяем подробным раскрытием темы (элемента).

²³ Тем не менее на имплицитном уровне прослеживается безусловная логическая связь в когнитивном процессе интервьюирующего относительно схемы развития «идеального» языкового и культурного кода свадебного обряда.

Таблица. Соотношение типов вопросов интервьюирующего и ответов информантки на них

Вопрос \ Ответ	Категорическое отрицание		Отсутствие воспоминания		Положительный ответ				Всего	
	Количество	%	Количество	%	Развернутый		Односложный		Количество	%
					Количество	%	Количество	%		
«Есть ли у вас у + z?»	8	10,7	15	20,0	28	37,3	24	32,0	75	100
Вопрос-уточнение	10	18,0	13	23,6	21	38,0	11	20,0	55	100
Вопрос-переспрос	4	10,5	3	8,0	14	36,8	17	44,7	38	100
«Есть ли у вас лексема х?»	3	11,5	6	23,0	4	15,3	13	50,0	26	100
Всего	25	12,9	37	19,1	67	34,5	65	33,5	194	100

в обуви невесты, которые дети должны были достать → вопрос об одаривании невестой ребенка, которого ей дают поддержать при входе в дом жениха → вопрос об обсыпании молодоженов конфетами/деньгами, которые затем подбирают дети (объединяющий элемент — неритуальный систематический фактор при исполнении обряда, связанный с подарком ребенку). В результате этого воздействие на обрядовую семантическую сетку²⁴ информантки минимально, но при этом прослеживается условная связь (хронологическая/структурная), способствующая концентрации рассказчика на определенном сегменте свадебного кода и заполнению им максимального количества валентностей каждой семы / семантического поля.

Устанавливая эффективность вопросов того или иного типа (на основе приведенной сводной таблицы), мы пришли к заключению, что наиболее продуктивными являются вопросы типа «Есть ли у вас у + z?» и вопросы-переспросы (объем положительных ответов на которые составляет 69,3 и 81,5 % соответственно), в то время как вопросы-уточнения и вопросы типа «Есть ли у вас лексема х?» менее эффективны, поскольку процент случаев, когда у информантки отсутствуют воспоминания, достаточно велик. В случае вопросов-уточнений и вопросов типа «Есть ли у вас у + z?» преобладают развернутые ответы информантки, в то время как в случае вопросов «Есть ли у вас лексема х?» и вопросов-переспросов — односложные ответы, что объясняется периферийностью данной лексемы/семы в свадебном дискурсе информантки (в первом случае) или тем, что ей уже предоставлена достаточная, с ее позиции, информация (во втором случае). Также, как уже упоминалось, пять вопросов оказались информантке неясными и требовали переформулирования (что нашло отражение в таблице в виде двух ответов: на первый, неверно понятый вопрос, и второй, корректно воспринятый).

²⁴ То есть взаимосвязанность элементов культурного (в том числе языкового/речевого) кода в картине мира информанта.

В отношении целесообразности применения отдельных типов вопросов для получения максимально полной информации по отдельным типам языковых кодов свадебного обряда (персонажному, предметному, акциональному и пр., см.: [Узенёва 2010]) никаких закономерностей выявлено не было.

Таким образом, в данном исследовании удалось впервые установить как наиболее релевантные и эффективные методы целенаправленного ведения нарратива посредством вопросов, задаваемых исследователем информанту в рамках лексико-семантической группы свадебного обряда родопских помаков, так и дистрибуцию самого лексико-семантического материала в этнолингвистической картине мира информанта г. Смоляна.

Приложение

Примеры нарратива

Момаре д'га пойскаат и упрелел'от вр'ем'е кога да а в'од'ат. И коа'но да а в'од'ат, в'од'ат то тога то тей не'ва наймно'го интересно. Н'ек'ой п'ет вод'ат и пов'ече хора, н'ек'ой п'ет тр'еба да булката да идат на... на т'ек', з'га са в'орнат на чиф д'в са в'орнат. П'одв'ет²⁵. Т'ек'ът, разби'раш ли? А. Двамина. Т'ек' са д'уми единично га е, т'ек'ът. А п'ек'ъ чиф га йа по двамина. Т'ега тр'еба да идат на булкана да ^иа зимаат т'ек' т'в та да са в'орнат чиф. Та да ж ж да ка'рат жив'от. Ррд Разбра ли ме сег'а? А е не'га и в'од'ат ^иа т'а, булката довед'от, е ^ие кога'то т'е ме дав'едаха ей т'у'а, то бе'ше око'ло след'обет, след'обет бе'ше. <...> Хб, през ден'о. Н'екои ги вод'ат и к'сно, найразлич'но е бил'о. А^м аа ме^и е не'га йа дах преде... оку'ло обет, д'бйдах ей т'у'а. Пра'веха ^иед'ен'е какв'ота и ие е и т'е'ва оти... св'атов'ет'е, не'ва де'на ме дав'едаха, те си оти'даха. И ^иедаха кв'ото и с'в' готвило и си ути'даха и ие оста'нах т'е ей т'у'а с'в' маж'оте^м, ^иа се бе'хм'е н'е мно'гу виждали. Т'в про'сто бе'ше^и и н'ешто и на м'ен'е инт'ересно, че з'в т'е дру'жемун т'е н'е х'од'еха да се пу'снат как сой сег'а. — «Сваты тогда посватаются и определяют время, когда ее [невесту] поведут. И когда ее везут, везут, то тогда это интереснее всего. Иногда водят и большее количество людей, а другой раз к невесте должны идти... нечетным количеством, чтобы, когда возвращаться будут, четным числом чтобы возвращались. Нечетным, понятно? Да. Пара. Нечетное — это слово, когда единичное, нечетное. А четное — это когда парой. Тогда надо идти к невесте забирать ее нечетным количеством, чтобы вернуться четным. Чтобы они жили [благополучно]. Теперь поняла меня? И тогда везут ее, невесту приведут; ну, когда меня привели сюда, было где-то после обеда²⁶, после обеда было. <То есть днем?> Да, днем. Некоторые и поздно их везут, по-разному бывало. А меня, я тогда пришла до... в обед пришла сюда. Устроили трапезу какую-то и они пошл[ли]... св'атове²⁷, что привели меня, они ушли. И поели что-то, что было приготовлено, и ушли, и я осталась вот здесь с мужем, а мы до этого не так много виделись. Мне и самой было как-то интересно, потому что они тогда вместе не ходили свободно, как сейчас».

Им'ало е да скрий'ат не'в'естана де'на ша йа вуод'ат да йа тр'ос'ат да пари да да'ват. Ала н'е т'ега през мо'е вре'ме га йе'га да до'дат ноу н'е кри'еха. <...> Ха', то го им'еше не'къде се ч'уйе'ше: скри'ли е с'в не'в'естана, таа са хо... т'аа д'ена сошли да йа тр'ос'ат,

²⁵ Возможно, несмыслоразличительный набор фонов.

²⁶ Примерно 14:00–17:00 часов.

²⁷ Участники свадебного поезда.

да трѳѳат тай парѳ да дават н'якако, ала и ѳв'е тѳва нѳ н'е караха тугатон за м'ѳн'е. Пѳк за други хѳра сум го чѳвала н'ѳга че, га скрѳѳат и да хѳдат да ѳа трѳѳат. И га водѳт, папѳуте нега да надеват, клаваха парѳ в папѳутине. И и га га ѳд'е кѳдеду ѳд'е на трѳбу да да д^ѳ м мал'ки мумѳ... деца да да пасрѳшнат и да ги свал'ѳт папѳутине парѳине да зѳмат децаѳа. <...> Обѳфкин'ѳ. Обѳфкин'ѳ, кладаха парѳ. — «Случалось, что прятали невесту, когда ее должны вести, чтобы ее искали, деньги давали. Но в мое время, когда приходили, не прятали. <То есть в ваше время такого не было?> Ну, случалось, говорили об этом: спрятали невесту, и что пришли ее искать и давать сколько-то денег, но тогда этого со мной не проводили. Но о других людях я слышала, что, когда прячут, ходят ее искать. И когда ведут [невесту], обувь когда надевают, клали деньги в обувь. И когда она идет, где идет, надо, чтобы маленькие дево[чки]... дети встретились им и сняли обувь, и дети бы взяли деньги <Что должны снять?> Обувь. Обувь, клали деньги».

Словари и справочные материалы

- Загоров (ред.) 1939 — *Списѳк на населените места в царството. Пребрѳяване на 31 декемвриѳ 1934 г.* Загоров С. (ред.). София: Дѳржавна печатница, 1939. 94 с.
- НСИ — Население по градове и пол. *Национален статистически институт.* <http://www.nsi.bg/bg/content/2981/население-по-градове-и-пол/> (дата обращения: 19.04.2019).
- ОС — История. *Община Смолян.* <http://www.smolyan.bg/bg/menu/subcontent/581> (дата обращения: 22.04.2019).
- Стойчев 1965 — Стойчев Т. Родопски речник. В кн.: *Бѳлгарска диалектология. Проучвания и материали.* Кн. 2. Кабасанов С. (ред.). София: БАН, 1965. С. 119–314.

Литература

- Аведова 2014 — Аведова Р. П. *Вопрос-переспрос как реактивная реплика в англоязычном диалогическом единстве: функционально-семантический и прагматический аспекты.* Ростов н/Д.: КИБИ медиа-центр Южн. федер. ун-та, 2014. 248 с.
- Антонова-Василева 2014 — Антонова-Василева Л. О говоре двух общностей мусульманского вероисповедания: помаки в Чече и торбеши в Го'ре. В кн.: *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность.* Плотникова А. А., Мартынова М. Ю., Узенѳва Е. С. (ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 164–179.
- Апостолов 1905 — Апостолов П. Родопска сватба. *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.* 1905, 21: 1–28.
- Балашевич 2018 — Балашевич Д. Д. Дискурсивный анализ лексики в помакском диалектном нарративе о свадебном обряде. В кн.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* [Вып.] 22: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 18–20 июня 2018 г. Казанский Н. Н. (ред.). Т. 1. СПб.: Наука, 2018. С. 81–90.
- Борисова 2015 — Борисова Н. М. Особенности вопросительных предложений в интервью-диалоге. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.* 2015, 5 (49): 60–73.
- Ван Дейк 2013 — Ван Дейк Т. А. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* [2008]. Пер. с англ. Е. А. Кожемякина. М.: Либроком, 2013. 340 с.
- Вахтин, Головкин 2007 — Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. *Социолингвистика и социология языка.* СПб.: Гуманит. академия; Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2007. 335 с.
- Всеволодова 2016 — Всеволодова М. В. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка.* М.: URSS, 2016. 649 с.
- Гирфанова 2015 — Гирфанова А. Х. Тюркизмы в балканских языках как этнографический источник (лексика свадебного обряда). В кн.: *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov.* Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. Оганова Е. А. (ред.). М.: МБА, 2015. С. 89–97.

- Димитрова 2016 — Димитрова М. *Религиозният синкретизъм като културна памет в региона на село Баните, област Смолян*. Пловдив: Студио 18, 2016. 144 с.
- Каневска-Николова 2014 — Каневска-Николова Е. Болгароязычные мусульмане в Южных Родобах. Современная ситуация: язык и идентичность. В кн.: *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность*. Плотникова А. А., Мартынова М. Ю., Узенёва Е. С. (ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 134–147.
- Караманджуков (ред.) 1925 — *Родоба*. Караманджуков Х. (ред.). 1925, 5: 3.
- Легурска и др. 2012 — Легурска П., Павлова Н., Китанова М. *Човешкият живот. Раждане, сватба, погребение*. София: Проф. Марин Дринов, 2012. 167 с.
- Маринов 1955 — Маринов В. Население и бит на Средните Родопи. В кн.: *Комплексна научна родопска експедиция през 1953 г. Доклади и материали*. София: Българск. акад. на науките, 1955. С. 21–35.
- Маркова 1997 — Маркова Л. В. Болгары-мусульмане (помаки). В кн.: *Этнические меньшинства в современной Европе*. Кожановский А. Н. (ред.). М.: Восточная литература, 1997. С. 131–171.
- Меракова 1995 — Меракова Е. *Ономасиологична и семасиологична характеристика на сватбения обред в Средните Родопи*. Пловдив: Частна ПБ, 1995. 140 с.
- Плотникова 2000 — Плотникова А. А. *Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. 209 с.
- Попов, Гребенарова (ред.) 1994 — *Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура*. Попов Р., Гребенарова С. (ред.). София: Етногр. ин-т с музей при Българск. акад. на науките, 1994. 293 с.
- Райчевски 2004 — Райчевски С. *Българите мохамедани*. София: Св. Климент Охридски, 2004. 208 с.
- Соболев 2001 — Соболев А. Н. Болгарский ширококолыцкий говор. Синтаксис, лексика духовной культуры, тексты. Марбург: Biblion, 2001. 504 с.
- Соболев (ред.) 2005 — *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1: Лексика духовной культуры*. Соболев А. Н. (ред.). München: Biblion Verlag, 2005. 432 с.
- Стаменова 1995 — *Стаменова Ж. Етносоциални аспекти на бита в източните Родопи през 70–80 години*. Перник: Кракра, 1995. 272 с.
- Стойков 1993 — Стойков С. *Българска диалектология*. София: Българск. акад. на науките, 1993. 426 с.
- Стрельцов 2010 — Стрельцов А. А. Опыт типологий вопросительных предложений. *Иностранные языки в высшей школе*. 2010, 4 (15): 55–57.
- Терзиева, Узенёва 2014 — Терзиева Д., Узенёва Е. С. Этнолингвистические материалы из болгарских сёл Виево и Кутела (область Смоляна, регион Средние Родопы). В кн.: *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура 2012–2014*. Вып. 3. Плотникова А. А. (ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 307–347.
- Толстой 1997 — Толстой Н. И. *Избранные труды*. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. 519 с.
- Толстой, Толстая 1995 — Толстой Н. И., Толстая С. М. Введение. В кн.: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Толстой Н. И. (ред.)*. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 5–14.
- Узенёва 2010 — Узенёва Е. С. *Болгарская свадьба. Этнолингвистическое исследование*. М.: Индрик, 2010. 279 с.
- Ушев 2012 — Ушев Е. «*Изсуши ме, изгори ме...*». *Южнородопският български фолклор в Ксантийско*. Варна: Славена, 2012. 294 с.
- Филиппов 2003 — Филиппов К. А. *Лингвистика текста*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 333 с.
- Чахоян 1980 — Чахоян Л. П. *Коммуникативно-семантическая теория высказывания (на материале новоанглийского языка)*. Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980. 390 с.
- Шаранска 1996 — Шаранска Ф. Българомохамеданската сватба в Якорудско. *Българска етнология*. 1996, 4: 88–101.
- Шишков 1906 — Шишков С. Отвлечане и грабване в Родопските сватбени обичаи. *Родопски напредък*. 1906, 2: 53–58.
- Шишков, Дечов (ред.) 1906 — *Родопски напредък*. Шишков С. Н., Дечов В. (ред.). 1906, 2, 3, 4, 5, 6.
- Fairclough 1992 — Fairclough N. Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis. *Discourse Society*. 1992, 3 (2): 193–217.

- Jaworski, Coupland (eds.) 1999 — *The discourse reader*. Jaworski A., Coupland N. (eds.). New York: Routledge, 1999. 602 p.
- Labov, Waletzky 1997 — Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of Personal Experience. *Journal of Narrative and Life History*. 1997, 7 (1–4): 3–39.
- Schaie, Willis 2002 — Schaie K. W., Willis S. L. *Adult development and aging*. Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall, 2002. 624 p.
- Sobolev 2014 — Sobolev A. Theoriebildung in der Dialektologie: historisch-vergleichende Beschreibung. In: *The slavic languages. An international handbook of their structure, their history and their investigation*. Gutschmidt K., Kempgen S., Berger T., Kosta P. (eds.). Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 2067–2074.
- Θεοχαρίδης 1995 — Θεοχαρίδης Π. *Πομάκοι. Οι Μουσουλμάνοι της Ροδόπης*. Ξάνθη: Πολιτιστικό Αναπτυξιακό Κέντρο Θράκης, 1995. 556 σ.
- Μαλκίδης, Κόκκας (συνς.). 2006 — *Μετασχηματισμοί της συλλογικής ταυτότητας των Πομάκων*. Μαλκίδης Θ., Κόκκας Ν. (συνς.). Ξάνθη: Σπανίδη, 2006. 295 σ.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 28 мая 2019 г.

Balashevich Diana Dmitrievna

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
dianad13@yandex.ru

Discourse analysis of an interview about the Bulgarian Pomak wedding ceremony

For citation: Balashevich D. D. Discourse analysis of an interview about the Bulgarian Pomak wedding ceremony. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (4): 538–556. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.401> (In Russian)

The material of the article is a transcribed interview recording about a wedding ceremony of the middle of the 20th c. with an informant born in 1932, identifying herself as Pomak (Bulgarians-Muslims) and is a native speaker of the Smoljan subdialect of the Bulgarian Rhodope dialect. The relevance of the work is due to the increasing interest of modern humanities to religious minorities and the necessity of developing the most effective methods of field linguistics (based on the dialect material that is quickly disappearing due to social reasons) as well as the novelty of the original material. The article depicts cases of disclosure of information when there are no questions by using the question “what is called $y+z$?” or the question “do you have a lexeme x ?” by using a clarifying question, or by the question of repeated inquiry; the most frequent one turned out to be “what is called $y+z$?” The article also considers the cases of categorical denial of the information proposed in the question, the lack of memories, the cases of a detailed answer or a one-word answer. The most effective questions are “do you have $y+z$?” and the question of repeated inquiry, resulting in the highest number of positive responses. Due to the dialectic nature of the narrative, the number of questions “do you have a lexeme x ?” that aim at concretizing the meaning of a lexeme given by the interviewer was minimal, as the informant mentioned the marked lexis himself without any question being asked.

Keywords: discourse analysis, role of the question in narrative, interviewing methods, language code of the wedding ceremony, Pomaks.

* The work was started with the support of grant RSF No. 14-18-01405 “From separation to symbiosis: languages and cultures of Southeast Europe in contact” and completed with the support of grant RSF No. 19-18-00244 “Balkan bilingualism in dominant and equilibrium contact situations in diatopy, diachrony and diastration.”

References

- Аведова 2014 — Avedova R. P. *Question-re-questioning as a reactive replica in the English-speaking dialogical unity: functional-semantic and pragmatic aspects*. Rostov-on-Don: Communication and Information Library and Publishing Media Center of the Southern Federal University Publ., 2014. 248 p. (In Russian)
- Антонова-Василева 2014 — Antonova-Vasileva L. About the idiom of two Muslim communities: the Pomaks in Chech and the Torbeši in Gore. In: *Slaviane-musul'mane na Balkanakh: iazyk, kul'tura, identichnost'*. Plotnikova A. A., Martynova M. Iu., Uzeneva E. S. (eds.). Moscow: RAS Institute of Slavic Studies Publ., 2014. P. 164–179. (In Russian)
- Апостолов 1905 — Apostolov P. Rhodope wedding. *Collection of folklore, science and literature*. 1905, 21: 1–28. (In Bulgarian)
- Балашевич 2018 — Balashevich D. D. Discourse analysis of vocabulary in the Pomak dialect narrative about the wedding rite. In: *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya*. [Issue] 22: Readings in memory of Professor J. M. Tronsky, June 18–20, 2018. Kazanskii N. N. (ed.). Saint Petersburg: Nauka Publ., 2018. Vol. 1. P. 81–90. (In Russian)
- Борисова 2015 — Borisova N. M. Syntactical variety of Yakut interrogative constructions in the interview dialogue. *Vestnik of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*. 2015, 5 (49): 60–73. (In Russian)
- Ван Дейк 2013 — van Dijk T. A. *Discourse and power*. Transl. from English by E. A. Kozhemiakin. Moscow: Librokom Publ., 2013. 340 p. (In Russian)
- Вахтин, Головко 2007 — Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sociolinguistics and sociology of language*. Saint Petersburg: Gumanitarnaia akademiia Publ.; European University at Saint Petersburg Publ., 2007. 335 p. (In Russian)
- Всеволодова 2016 — Vsevolodova M. V. *Theory of functional-communicative syntax. A fragment of an applied (pedagogical) language model*. Moscow: URSS Publ., 2016. 649 p. (In Russian)
- Гирфанова 2015 — Girfanova A. Kh. Turkisms in the Balkan languages as an ethnographic source (vocabulary of a wedding ceremony). In: *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov*. Collection of articles for the 80th anniversary of D. M. Nasilov. Oganova E. A. (ed.). Moscow: MBA Publ., 2015. P. 89–97. (In Russian)
- Димитрова 2016 — Dimitrova M. *Religious syncretism as cultural memory in the region of Banite village, Smolyan region*. Plovdiv: Studio 18 Publ., 2016. 144 p. (In Bulgarian)
- Каневска-Николова 2014 — Kanevska-Nikolova E. Muslims speaking Bulgarian in the southern Rhodope Mountains. Current situation: language and identity. In: *Slaviane-musul'mane na Balkanakh: iazyk, kul'tura, identichnost'*. Plotnikova A. A., Martynova M. Iu., Uzeneva E. S. (eds.). Moscow: RAS Institute of Slavic Studies Publ., 2014. P. 134–147. (In Russian)
- Караманджуков (ред.) 1925 — *Rodopa*. Karamandzukov H. (ed.). 1925, 5: 3. (In Bulgarian)
- Легурска и др. 2012 — Legurska P., Pavlova N., Kitanova M. *Human life. Birth, wedding, burial*. Sofia: Prof. Marin Drinov Publ., 2012. 167 p. (In Bulgarian)
- Маринов 1955 — Marinov V. The population and household of the Middle Rhodopes. In: *Kompleksna nauchna rodopska ekspeditsiia prez 1953 g. Dokladi i materiali*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1955. P. 21–35. (In Bulgarian)
- Маркова 1997 — Markova L. V. Bulgarians-Muslims (Pomaks). In: *Etnicheskie men'shinstva v sovremennoi Evrope*. Kozhanovskii A. N. (ed.). Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 1997. P. 131–171. (In Russian)
- Меракова 1995 — Merakova E. *Onomasiological and semasiological characteristics of the wedding ceremony in the Middle Rhodopes*. Plovdiv: Private Printing House, 1995. 140 p. (In Bulgarian)
- Плотникова 2000 — Plotnikova A. A. *Dictionaries and folk culture. Essays about Slavic lexicography*. Moscow: RAS Institute of Slavic Studies Publ., 2000. 209 p. (In Russian)
- Попов, Гребенарова (ред.) 1994 — *Rhodopes. Traditional folk, spiritual and socio-normative culture*. Popov R., Grebenarova S. (eds.). Sofia: Ethnografic Institution and the BAS Museum, 1994. 293 p. (In Bulgarian)
- Райчевски 2004 — Rajchevski S. *Bulgarians-Muslims*. Sofia: Sv. Kliment Okhridski Publ., 2004. 208 p. (In Bulgarian)

- Соболев 2001 — Sobolev A. N. *Bulgarian Shirokolyk dialect. Syntax, vocabulary of spiritual culture, texts*. Marburg: Biblion Publ., 2001. 504 p. (In Russian)
- Соболев (ред.) 2005 — *Small dialect atlas of Balkan languages. Lexical series*. Vol. 1: Lexis of spiritual culture. Sobolev A. N. (ed.). München: Biblion Verlag, 2005. 432 p. (In Russian)
- Стаменова 1995 — Stamenova Zh. *Ethnosocial aspects of life in the Eastern Rhodopes in 70th–80th*. Pernik: Krakra Publ., 1995. 272 p. (In Bulgarian)
- Стойков 1993 — Stojkov S. *Bulgarian dialectology*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1993. 426 p. (In Bulgarian)
- Стрельцов 2010 — Strel'tsov A. A. The experience of typology of interrogative sentences. *Foreign Languages in Higher Education*. 2010, 4 (15): 55–57. (In Russian)
- Терзиева, Узенева 2014 — Terzieva D., Uzeneva E. S. Ethno-linguistic materials of the Bulgarian villages Viewo and Kutela (region of Smolyan, the Middle Rhodopes). In: *Karpato-balkanskii dialektnyi landschaft. Iazyk i kul'tura 2012–2014*. Issue 3. Plotnikova A. A. (ed.). Moscow: RAS Institute of Slavic Studies Publ., 2014. P. 307–347. (In Russian)
- Толстой 1997 — Tolstoi N. I. *Selected works*. Vol. 1: Slavic lexicology and semasiology. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 519 p. (In Russian)
- Толстой, Толстая 1995 — Tolstoi N. I., Tolstaia S. M. Introduction. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisti-cheskii slovar'*: in 5 vols. Tolstoi N. I. (ed.). Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995. P. 5–14. (In Russian)
- Узенева 2010 — Uzeneva E. S. *Bulgarian wedding. An ethnolinguistic research*. Moscow: Indrik Publ., 2010. 279 p. (In Russian)
- Ушев 2012 — Ushev E. "Izsushi me, izgori me...". *Southern Rhodope Bulgarian folklore in Xanthi*. Varna: Slavena Publ., 2012. 294 p. (In Bulgarian)
- Филиппов 2003 — Filippov K. A. *Text linguistics*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2003. 333 p. (In Russian)
- Чахойн 1980 — Chakhoian L. P. *Communicative-semantic theory of utterance (based on the material of the New English language)*. Thesis for Doctor of Philology. Leningrad, 1980. 390 p. (In Russian)
- Шаранска 1996 — Sharanska F. Bulgarian-Muslim wedding in Yakoruda region. *Bulgarian Ethnology*. 1996, 4: 88–101. (In Bulgarian)
- Шишков 1906 — Shishkov S. The abduction and capture in the Rhodope wedding customs. *Rhodope Progress*. 1906, 2: 53–58. (In Bulgarian)
- Шишков, Дечов (ред.) 1906 — *Rhodope Progress*. Shishkov S. N., Dechov V. (eds.). 1906, 2, 3, 4, 5, 6. (In Bulgarian)
- Fairclough 1992 — Fairclough N. Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis. *Discourse Society*. 1992, 3 (2): 193–217.
- Jaworski, Coupland (eds.) 1999 — *The discourse reader*. Jaworski A., Coupland N. (eds.). New York: Routledge, 1999. 602 p.
- Labov, Waletzky 1997 — Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of Personal Experience. *Journal of Narrative and Life History*. 1997, 7 (1–4): 3–39.
- Schaie, Willis 2002 — Schaie K. W., Willis S. L. *Adult development and aging*. Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall, 2002. 624 p.
- Sobolev 2014 — Sobolev A. Theoriebildung in der Dialektologie: historisch-vergleichende Beschreibung. In: *The slavic languages. An international handbook of their structure, their history and their investigation*. Gutschmidt K., Kempgen S., Berger T., Kosta P. (eds.). Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 2067–2074.
- Θεοχαρίδης 1995 — Feoksaridis P. *Pomakoi. Pomaks. The Muslims of Rhodope*. Xanthi: Politistiko Anaptuziako Kentro Thrakis Publ., 1995. 556 p. (In Greek)
- Μαλκίδης, Κόκκας (συνς.) 2006 — *Transformations of the collective identity of the Pomaks*. Malkidis Th., Kokkas N. (eds.). Xanthi: Cpanidi Publ., 2006. 295 p. (In Greek)

Received: November 26, 2018

Accepted: May 28, 2019